

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.95

DOI 10.17223/17267080/55/2

М.О. Аванесян

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Понимание переносного смысла на примере метафоры

Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ 14-36-01241 «Исследование изоморфных когнитивных структур (на примере метафорических сравнений)»

Статья посвящена проблематике понимания переносного смысла на примере понимания метафор. В первой части представлен обзор экспериментальных исследований понимания «буквального» и «переносного» смыслов. Во второй части статьи автор приводит результаты собственного исследования понимания парных метафор с повторяющимся вспомогательным понятием («А есть В», «С есть В»). Исследование проведено с помощью методики «Пиктограммы». Показано, что одно и то же вспомогательное понятие меняет свою актуальную ментальную репрезентацию при вхождении в разные семантические контексты. Автор делает вывод, что необходимо смещать исследовательский фокус с вопроса о том, отличается ли понимание буквального и переносного смыслов, на вопрос о том, каким образом смысл конструируется человеком в «живой ситуации мышления» (англ. аналог on-line thinking).

Ключевые слова: понимание; буквальный смысл; переносный смысл; противоречие; конструирование смысла; метафора.

Введение

Исследования, посвященные метафоре, занимают одно из центральных мест в современной когнитивной психологии. Метафора признается базовым принципом познания, поскольку позволяет усваивать абстрактные понятия, не данные в непосредственном опыте, через эмоционально-чувственный, телесный опыт (embodied language) [1]. Так, например, психику можно назвать черным ящиком, взглядом можно пронзить, а мысли — поделиться.

С позиции формальной языковой логики метафора представляет собой «таксономическое нарушение», таксономическую девиацию, категориальный сдвиг [2], семантическую аномалию [3], «синтаксический окказиона-

лизм» [4]. Уже беглый взгляд на эти названия позволяет сделать вывод о том, что познание, осуществляемое с помощью метафоры, противопоставляют вербально-логическому познанию.

Теоретическое исследование

Различие в механизмах понимания «буквального» и «переносного» смысла подчеркивается Г.П. Грайсом [5], Дж. Серлем [6], Р. Джиорой [7, 8], согласно которым переносный смысл генерируется только тогда, когда буквальный смысл высказывания «дефектен» в заданном контексте. Такая модель имеет несколько проверяемых следствий: актуализация буквального значения первична по времени, приоритетна, контекстуально независима, а значит, на его понимание уходит меньше времени и сил, чем на понимание переносного. Данная модель была подтверждена в серии экспериментальных исследований [9, 10]. Проверки уровневой гипотезы внесли существенный вклад в теорию метафоры, так как являлись первыми экспериментальными исследованиями понимания метафоры [11].

Однако получено довольно много экспериментальных данных, противоречащих уровневой модели понимания метафоры. Согласно ряду экспериментов [12, 13] скорость прочтения предложения, имеющего метафорический смысл, такая же, как и «буквального» предложения, независимо от длины контекста (использовался метод фиксации движений глаз). В более позднем исследовании Д. Бласко и С. Коннайна [14] с использованием метода семантического прайминга было выявлено, что метафорическое значение «хороших метафор» активировалось так же быстро, как и значения «буквальных» высказываний даже в тех случаях, когда метафоры не были знакомы испытуемым.

Получается, что метафорическая интерпретация может быть так же легкодоступна (автоматична), как и буквальная. Если это так, то *смогут ли люди игнорировать метафорический смысл высказывания, когда оно имеет буквальную интерпретацию, подходящую контексту?* С. Глюксберг и соавт. [15, 16] проверили эту гипотезу в серии экспериментов, смоделированных в классической парадигме Струпа. Напомним, что эффектом Струпа называют задержку реакции при прочтении слов, когда цвет написанного слова не совпадает с его значением (к примеру, слово «синий» написано желтым). С. Глюксберг применил парадигму Струпа по отношению к буквально ложным, но метафорически истинным высказываниям типа «некоторые дороги – змеи» и «некоторые офисы – айсберги». Участникам эксперимента на экране по одному демонстрировались высказывания, инструкция заключалась в том, чтобы оценить, является предложение истинным или ложным в буквальном смысле. Использовались четыре типа предложений: 1) буквально истинные (напр., «некоторые птицы – малиновки», 2) буквально ложные (напр., «некоторые птицы – яблоки»), 3) метафоры («некоторые работы, как тюрьмы», «некоторые флейты – птицы») и 4) искаженные метафоры («некоторые работы – птицы», «некоторые флейты – тюрьмы»), ложные метафорически и буквально. В случае, если люди могли

игнорировать метафорический смысл, то отвержение метафор и искаженных метафор занимало бы одинаковое время. Если, с другой стороны, людям автоматически доступны метафорические значения, то скорость ответа при предъявлении метафор была бы больше, поскольку, принимая решение, человек должен был выбрать между конкурирующими «правдой» небуквального значения и «ложью» буквального. Были получены достаточно однозначные результаты: люди имели трудности в отвержении метафор как высказываний, которые имеют ложное буквальное значение. Среднее время ответа в случае отвержения метафорического предложения (1 239 мс) было статистически значимо больше, чем время отвержения буквального ложного предложения (1 185 мс) или искаженной метафоры (1 162 мс). Данный результат был интерпретирован как интерференционный эффект Струпа: люди не могут подавить процесс понимания метафоры, даже если в ходе эксперимента было активировано и доступно буквальное значение. Убедительное доказательство того, что метафорическая интерпретация генерируется параллельно буквальной, была предложена Б. МакЭлри [17] и его коллегами.

В описанных ранее исследованиях стимульным материалом служили высказывания, которые были верными при метафорической интерпретации и не имели смысла при буквальном понимании. *Смогут ли люди понимать метафоры, ложные в предъявленном контексте, автоматически?* Б. Кейсар (цит. по [18]) провел эксперимент с целью проверить эту идею. Он предъявлял участникам короткие истории. В конце каждой истории было целевое предложение, которое могло быть ложным или истинным как в буквальном, так и в метафорическом смысле. Приведем пример буквально истинного, но метафорически ложного целевого предложения: «Боб Джонс – эксперт в таких трюках, как распиливание женщин пополам или доставание кроликов из шляпы. Он зарабатывает деньги, путешествуя вокруг света с дорогим антуражем и целой командой помощников. Хотя Боб старается аккуратно вести бюджет, ему кажется, что деньги исчезают в воздухе. Почему при такой огромной аудитории он не может выйти на безубыточность?». Целевое предложение: «Боб Джонс – фокусник». В этом контексте Боб действительно фокусник, но он оказался неспособным сделать так, чтобы исчезли его финансовые трудности. Поэтому, метафорически говоря, он не фокусник. Из-за несоответствия между буквальной и метафорической истинностью людям требуется больше времени для того, чтобы принять решение о буквальной истинности этого предложения. Когда история описывает Боба как фокусника и буквально, и фигурально, люди быстрее принимают решение об истинности буквального значения целевого предложения. В данном случае мы столкнулись с интерференционным эффектом, когда предложение является истинным в буквальном смысле и ложным – в метафорическом. Это показывает, что метафорические интерпретации также могут формироваться автоматически¹.

¹ Отметим, что в зарубежных исследованиях часто используют устоявшиеся метафоры.

Современная семантическая модель также не различает буквальные и переносные значения. Базовое утверждение семантической модели состоит в том, что значение слова, предложения или текста может быть представлено через совокупность его отношений с другими знаниями, что отражается в идее многомерного семантического пространства [19–22]. В связи с этим можно достаточно точно рассчитать, насколько близко или далеко друг от друга в семантическом пространстве располагаются векторы анализируемых единиц, и таким образом определить степень семантической близости между любыми словами, предложениями, текстами. Одной из техник для создания такого семантического пространства является латентный семантический анализ (LSA), который развивался В. Кинтчем, Т. Ландауером и коллегами [23, 24]. Основой измерения стала совместная встречаемость слов. Сбор эмпирических данных показал, что организация 300–400-мерного семантического пространства в наибольшей степени сопоставима с суждениям человека. LSA, таким образом, представляет значение слова, как вектор в 300-мерном семантическом пространстве. Позже В. Кинтч дополнил модель LSA, добавив туда идею сдвига предиката, и показал, что алгоритм предикации обеспечивает интерпретацию простых метафор («существительное – существительное») [25]. Понимание текста, имеющего буквальное значение, в такой модели не отличается от понимания метафор, однако для того, чтобы понять метафору, необходимо пройти большую дистанцию в сети значений семантического пространства [Там же]. Однако такой подход не учитывает эмоционально-образную составляющую смысла, которая раскрывается в психологических концепциях. Существенным критерием поиска вспомогательного понятия, на наш взгляд, является эмоционально-чувственная синонимичность вспомогательного понятия и той смысловой структуры, которую хочет передать автор метафоры. Возможным объяснением «притяжения» определенного вспомогательного понятия для выражения мысли автора является теория Т. Любарта и И. Гетца [26]. Их теория предлагает механизм эмоционального резонанса, благодаря которому устанавливается ассоциация между двумя эмоционально близкими понятиями, которые при этом могут быть достаточно далеки семантически [Там же]. Эта идея представляется оригинальной и прогностичной, поскольку позволяет объяснить расширение того мысленного пространства, в котором происходит поиск идей или гипотез. На наш взгляд, эту теорию можно назвать современной разработкой ассоциативной модели психического. Она указывает на связь двух понятий на основе сходства их эмоциональных профилей, своеобразной предпонятийной схожести.

Исследование онтогенеза понимания метафор было осуществлено Э. Виннер, Г. Гарднером [28]. Их интересовало, как 6–14-летние дети понимали психолого-физические метафоры, содержащие термины с двойственным значением, относящимся как к психологической, так и к физической области («После многих лет работы в тюрьме стражники стали *кусками глыб*, которых нельзя было тронуть»). На основе полученных эмпирических данных они предложили четырехуровневую модель понимания метафор в онтогенезе:

1) магическая интерпретация включает буквальную интерпретацию, где правдоподобность достигается за счет создания магического мира, в котором не работают законы естественного мира (стражники были каменными, потому что пришел король и превратил их в камни). Ребенок на этой стадии не различает принадлежность понятий метафоры («стражники» и «куски глыб») к разным «мирам»;

2) метонимическая интерпретация – оба термина метафоры перефразируются так, что могут интерпретироваться буквально, но без изменения законов естественного мира, правдоподобность достигается за счет ассоциативного сближения, но не идентификации (стражники были каменные, потому что стены тюрьмы были каменными);

3) примитивная метафорическая интерпретация – выражение интерпретируется небуквально, но слово с двойным значением все же сохраняет свое буквальное значение. Восьмилетние дети находят основание метафоры по внешним, физическим признакам, производя буквальное сравнение (мускулы стражников такие же твердые, как камень);

4) истинно метафорическая интерпретация – слово с двойным значением интерпретируется в метафорическом значении. Только в возрасте около десяти лет дети понимают, что предъявленная метафора повествует о бездушном обращении стражников с заключенными. На этом уровне оба пространства совмещаются в мире ментального, образуя целостную смысловую репрезентацию.

В исследовании Э. Виннер [28] была обнаружена интересная тенденция: когда дети «перерастали» примитивные метафорические ответы, они начинали предлагать неподходящие метафорические интерпретации, неверно ухватывая их психологическое или сенсорное измерение. Например, при понимании метафоры со стражниками дети улавливали только общую отрицательную модальность высказывания: стражники были «нервными» (а не бесчувственными).

Современные теории метафоры подчеркивают важность вида метафоры как определяющего фактора для выбора стратегии ее обработки. В связи с этим в западной литературе принято различать два типа теорий метафоры – образные и пропозиционные², о которых иногда говорят как о двух стратегиях обработки метафор, отличающихся разной ролью буквального значения слов, входящих в метафору [29].

Исследование мозговой активности методом вызванных потенциалов головного мозга (ERP) показало, что время обработки одного и того же слова в метафорическом и неметафорическом контексте не изменяется [30]. Однако изменялось значение отрицательного потенциала мозга N400³, который фиксируется, если слово оказывается в несоответствующем ему контексте⁴. Чем сложнее происходит интеграция слова в суще-

² Image theories and proposition theories.

³ Название N400 происходит из-за времени возникновения этого потенциала – 400 мс после предъявления значимого стимула.

⁴ Не важно, слово написанное, сказанное или выраженное с помощью жестов.

ствующий контекст, тем выше наблюдаемая амплитуда потенциала N400. Поэтому авторы исследования сделали вывод, что дихотомия буквальный – фигуральный не обоснована: просто для конструирования смысла метафоры требуется больше усилий, поскольку вся трудность с фигуральным смыслом состоит в более сложном проецировании и концептуальной интеграции. Получается, что одни и те же мыслительные операции лежат в основе понимания как буквальных, так и переносных значений⁵ [31].

Проделанный теоретический обзор позволяет сделать следующие выводы о соотношении буквального и переносного смыслов.

1. Понимание того, что метафора – это выражение с переносным смыслом, приходит в более раннем возрасте, чем способность этот смысл извлекать.

2. Метафорическая интерпретация «хороших метафор» так же легкодоступна («автоматична»), как и буквальных высказываний.

3. Когнитивная обработка метафор сопровождается повышением амплитуды вызванных потенциалов, поскольку требует более сложной когнитивной работы по смысловой интеграции неожиданного слова в уже существующий контекст.

Методика и выборка

Целью большинства описанных ранее экспериментальных исследований было выяснить, отличаются ли процессы понимания «буквальных» и «метафорических» высказываний. Основными индикаторами понимания смысла обоих типов высказываний выступали количественные характеристики, прежде всего временные. Нас же интересовали содержательные компоненты «буквального» значения, которым обладали понятия метафоры. Для их исследования была выбрана методика «Пиктограммы». Испытуемым давалась следующая инструкция: «Нарисуйте рисунок – графическую схему, которая будет выражать основной смысл метафоры»⁶. В качестве стимульного материала использовались парные метафоры с повторяющимся вспомогательным понятием: «самолет – птица» и «мечта – птица», «проблема – лабиринт» и «жизнь – лабиринт», «время – стрела» и «взгляд – стрела», «годы – багаж» и «знания – багаж», «дорога – змея» и «адвокат – змея». Варьируя основное понятие и оставляя инвариантным вспомогательное, мы получали ситуацию, в которой *одно и то же* понятие использовалось для передачи *разных* идей. Таким образом, решалась психологическая задача: проследить, меняет ли одно и то же вспомогательное понятие свою *актуальную* ментальную репрезентацию при вхождении в разные семантические контексты.

⁵ По сути, это использование одной области опыта для постижения другой области опыта. Выделяют три операции для создания смешанного пространства: соединение (*Composition*), достраивание (*Completion*), разработка с мысленным представлением (*Deleboration*).

⁶ Исследование подробно описано в работе автора [34]. В данной статье мы обсудим его методологический аспект.

Теоретической базой исследования для нас стала теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера [32], в которой для описания событий, происходящих на внутриспсихическом плане, вводится понятие «ментальное пространство». Под ментальным пространством они имеют в виду внутриспсихические концептуальные структуры (conceptual packet), которые создаются всегда, когда мы думаем и говорим, и модифицируются по мере развертывания дискурса [Там же]. Смысловая репрезентация метафоры, с их точки зрения, – это результат смешивания структур нескольких ментальных пространств (blended space), связанных понятиями метафоры. Графические изображения смысла метафоры являлись своего рода аналогами смешанного ментального пространства. Ведь для того, чтобы в графической форме передать суть метафоры, испытуемым необходимо было актуализировать ментальные репрезентации понятий метафоры и найти их общие характеристики. Таким образом, пиктограммы позволили реконструировать события, происходящие в ментальном пространстве испытуемого.

Принадлежность понятий метафоры к отдаленным семантическим областям позволила проследить, как в одном пространстве рисунка смешиваются элементы двух разных предметных областей. Рисунки не тождественны ментальным образам, но частично им инвариантны. Они, как и психические образы, обладают пространственными, временными, интенсивностными и модальными характеристиками [33]. Дополнительным аргументом в пользу выбора метода пиктограмм стало то, что полноту смысла метафоры бывает трудно передать словами. Поэтому можно предположить, что в рисунках может отразиться то содержание метафоры, которое трудно вербализовать. Особенностью проективных методов, к которым относятся графические тесты, является отсутствие строгих алгоритмов обработки полученных результатов. Желательно, чтобы результаты теста оценивались сразу несколькими независимыми экспертами, что и было осуществлено в нашей работе. Мы привлекли двух психологов, которые имели необходимый опыт работы с графическими данными, в качестве экспертов. Полученные рисунки обрабатывались ими с помощью метода сравнительного качественного анализа.

В исследовании добровольно участвовали 32 человека (21 женщина, 11 мужчин) в возрасте 17–23 лет, студенты факультета психологии СПбГУ.

Обработка полученных данных: качественный анализ

Анализируя рисунки, эксперты прежде всего обращали внимание на различия в образной развертке одного и того же вспомогательного понятия, которое предъявлялось в контексте разных основных понятий (например, «самолет – птица» и «мечта – птица»). Они разработали следующие опорные вопросы:

а) актуализируются ли в парных метафорах с повторяющимся вспомогательным понятием одни и те же характеристики и структуры вспомогательного понятия;

б) каким образом в графической форме будет отражено конструирование смысла и соответственно семантическое объединение двух понятий метафоры.

В связи с тем, что вспомогательное понятие почти всегда более конкретно, чем основное, оно часто (47% рисунков) становилось основой рисунка испытуемых.

Изображение одного и того же вспомогательного понятия модифицировалось, когда оно попадало в разные метафорические пары (например, рисунок лабиринта для передачи смысла метафоры «жизнь – это лабиринт» существенно отличался от рисунка лабиринта для метафоры «проблема – это лабиринт», то же касается и других метафорических пар) [34]. Это объясняется тем, что основное понятие метафоры являлось контекстом, определяющим образную форму репрезентации вспомогательного понятия, актуализацию его качеств и широту предметно-ситуативного контекста, в котором представлено вспомогательное понятие.

На материале одной пары метафор «самолет – птица» и «мечта – птица» покажем различия в образной репрезентации одного и того же вспомогательного понятия («птица»).

Для понятия «птица» характерны следующие базовые характеристики:

- животное, обитающее в воздушной среде (высоко, далеко);
- способно летать (имеет крылья и особую форму тела).

«Самолет – птица»: общими характеристиками самолета и птицы являются способность к полету на большой высоте и особая внешняя форма (удлиненное, обтекаемой формы тело, крылья).

Метафорическое отождествление самолета и птицы придает понятию «самолет» дополнительные смысловые оттенки: самолет – это техническое изделие, которое сопоставляется с живым существом, идеально чувствующим себя в небе, для которого воздушная среда является родной и естественной.

«Мечта – птица»: общие характеристики мечты и птицы частично совпадают с характеристиками предыдущей пары. Однако при смене основного понятия на физические характеристики птицы накладывается система символических значений. Так, мечту трудно воплотить в жизнь («далекая»), хотя ее образ можно легко актуализировать в собственном воображении («увидеть в небе»). Эта метафора является отсылкой к разработанной системе культурных координат, которая хорошо представлена во фразеологизмах, знакомых любому взрослому носителю языка (витать в облаках, улететь в мечтания). Мечта – ещё не сбывшееся явление, существующее только в ментальном, воображаемом плане. Эта особенность мечты символически изображалась с помощью руки, тянущейся к птице, которая находилась очень далеко. Таким образом, дополнительный смысл «мечты», возникший при ее отождествлении с птицей, состоит в том, что мечта

недостижима, что она существует в другом измерении – мире психического, а не физического, она свободна и ничем не ограничена. Изображения птиц на пиктограммах к обеим метафорам существенно отличаются: птица-самолет изображалась с удлинённым телом, обладающим прямыми линиями (прототип – «орел»); птица-мечта изображалась более округлой, с коротким и компактным телом (прототип – «птичка») или же в виде сказочной птицы. Этот факт позволяет говорить о разных образных прототипах птиц (термин Э. Рош), задействованных воображением для передачи смысла парных метафор.

Различия между изображениями одного и того же понятия прослеживаются на остальных парах метафор. Опишем несколько примеров типичных рисунков. Лабиринт для передачи сути метафоры «проблема – лабиринт» представлял собой классический лабиринт с прямыми линиями и углами, имеющий вход и выход. В изображении лабиринта к метафоре «жизнь – лабиринт» также встречается классический лабиринт, но около трети испытуемых изобразили его в виде запутанного клубка. В пиктограммах для «багажа знаний» обычно показано, что лежит внутри багажа (чемодана или сумки), которые рисовались приоткрытыми, распаханутыми или даже проходящими через «рентгеновский аппарат» в аэропорту. Для метафоры «годы – багаж», наоборот, содержание багажа не прорисовывалось или изображалось в виде одинаковых элементов (квадратиков, кружков). Самым распространённым типом пиктограмм для «дороги – змеи» были рисунки – гибриды – сочетания изображений и дороги, и змеи. Самым распространённым для метафоры «адвокат – змея» было изображение адвоката – змеи-человека с атрибутами адвоката (костюм, портфель), но с головой или языком змеи. Наиболее типичной особенностью «стрелы времени» являлось то, что она была направлена в бесконечность и не имела источника своего движения, а «стрела взгляда» во всех рисунках имела источник (взгляд принадлежит человеку) и цель (объект, на который направлен взгляд).

Рисунки, с помощью которых испытуемые в графической форме передавали сходство понятий метафоры, существенно различались по уровню обобщения: от конкретных изображений понятий метафоры до высокообобщённых схем, отражающих общие характеристики обоих понятий метафоры. Те испытуемые, которые не могли справиться с заданием, просто изображали оба понятия метафоры рядом друг с другом (10% рисунков). «Буквальное» значение обоих понятий метафоры наиболее очевидно проявилось в рисунках-гибридах, в которых были актуализированы образы, связанные с обоими понятиями, но не были раскрыты существенные особенности их взаимосвязи (23%). В ряде пиктограмм оба понятия метафоры объединялись в едином образе, отражавшем эмоционально-чувственное переживание сходства понятий (24%). В случае передачи сходства понятий в виде графической модели или схемы отсутствовали их конкретно-образные компоненты (17% – неполное обобщение, 10% – полное обобщение).

Обсуждение результатов

Важной особенностью методики «Пиктограммы» является то, что она позволила получить данные как относительно вербального, так и эмоционально-чувственного компонентов познания. В большинстве рисунков присутствовали образы, связанные с обоими понятиями метафоры: они были либо «склеены друг с другом» механически, либо объединены в образе, отражавшем целостное эмоционально-чувственное переживание смысла метафоры. Пиктограммы дали возможность «зараз» передать конечный результат работы с метафорами. Эта особенность позволила зафиксировать невербальную составляющую, столь важную в процессе конструирования смысла метафоры.

В теории метафоры открытым остается вопрос о том, какие именно характеристики вспомогательного понятия проецируются на основное. Чаще всего говорят о типичных ассоциациях, связанных с вспомогательным понятием. Например, сравнивая объект со снегом, мы хотим подчеркнуть белизну этого объекта. Однако пиктограммы показали, что образная репрезентация и соответственно набор актуализируемых признаков одного и того же вспомогательного понятия в парных метафорах существенно отличаются. В зависимости от того, какой признак вспомогательного понятия выходит на первый план, происходит актуализация разных образных прототипов («хорошие примеры» в терминологии Э. Рош) вспомогательного понятия.

Пиктограммы позволяют ответить на вопрос о том, какова роль буквальных значений в понимании метафор. Для части метафор (например, «самолет – птица», «дорога – змея») пиктограммы содержали много конкретно-образных элементов обоих объектов. Такие метафоры можно обозначить как перцептивные метафоры. Пиктограммы для метафор, понимание которых требовало более высокоуровневого обобщения понятий (например, «мечта – птица», «адвокат – змея»), содержали больше символических и схематических графических элементов. Именно потому графические изображения, связанные с «буквальным» значением понятий метафоры, доказывают избыточность разделения смысла на «буквальный» и «переносный». Ведь понимание метафор прежде всего предполагает операцию нахождения сходства между двумя понятиями, которое может быть преимущественно низкоуровневым (перцептивным) или высокоуровневым.

Исследование понимания метафор очень остро ставит проблему конструирования смысла любого высказывания. В последнее время приводятся все больше доказательств в пользу того, что само буквальное значение не является строго фиксированным и зависит от контекста [35, 36]. В нашем исследовании также показано, что смысловая развертка слова во многом зависит от того семантического контекста, в котором оно находится. Принципиально важен тот факт, что фокус исследований постепенно смещается с вопроса о том, отличается ли понимание буквального и переносного смысла, на то, что смысл каждый раз создается человеком в «жи-

вой ситуации думания» (англ. аналог on-line thinking). Понятие «ментальная репрезентация» становится тем переходным теоретическим конструктом [37], который позволяет увязывать «объективно» существующие значения слов с ментальным опытом человека и наличным контекстом. Несмотря на то, что объектом исследования являлся *конечный* продукт когнитивной работы – пиктограмма, было показано, что качественный подход может обеспечить подступ к *процессуальному аспекту* создания смысла. Видится, что качественный подход является перспективным для исследования процессов понимания «переносного смысла». С одной стороны, он продолжает традицию отечественной клинической психологии, заложенную Б.В. Зейгарник и С.Я. Рубинштейн, с другой стороны, учитывает современные исследования, оперирующие понятиями ментального пространства и осуществляющихся в нем преобразований. Планируется дальнейшее исследование понимания «переносного смысла» с рядом дополнений: во-первых, в репертуар методов будет внесено глубинное интервью; во-вторых, будет расширена типология контекстов предъявления одного и того же слова, связанная уже не только с «буквальным» и «переносным» смыслами, но и с другими типами высказываний.

Литература

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : ЛКИ, 2008. 256 с.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.
3. Макормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 358–386.
4. Рипинская Л.В. Синтаксический окказионализм как лингвистическая основа метафоры // Язык и стиль английского художественного текста. Л., 1977. С. 96–102.
5. Grice H.P. Logic and Conversation // Speech Acts. Syntax and Semantics. N.Y. : Academic Press, 1975. Vol. 3. P. 41–58.
6. Серль Дж. Метафора // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 307–341.
7. Giora R. On the priority of salient meanings: Studies of literal and figurative language // Journal of Pragmatics. 1999. Vol. 31. P. 919–929.
8. Giora R. On our Mind: Salience, Context, and Figurative language. N.Y. : Oxford University Press, 2003.
9. Clark H.H., Lusch P. Understanding What is Meant from What is Said: A Study in Conversationally Conveyed Requests // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1975. Vol. 14. P. 56–72.
10. Janus R., Bever T. Processing of Metaphoric Language: An Investigation of the Three Stages of Metaphor Comprehension // Journal of Psycholinguistic Research. 1985. Vol. 14, No. 5. P. 473–487.
11. Алексеев К.И. Метафора как объект исследования в философии и психологии // Вопросы психологии. 1996. № 2. С. 73–85.
12. Inhoff A., Lima S., Carroll P. Contextual Effects on Metaphor Comprehension in Reading // Memory and Cognition. 1984. Vol 12, No. 16. P. 550–567.
13. Ortony A. Metaphor and Thought. Cambridge, England : Cambridge University Press, 1979.

14. *Blasko D., Connine C.* Effects of familiarity and aptness on metaphor processing // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 1993. Vol. 19. P. 295–308.
15. *Glucksberg S., Gildea P., Bookin H.* On understanding nonliteral speech: can people ignore metaphors? // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1998. Vol. 21. P. 85–98.
16. *Glucksberg S.* Understanding Figurative Language: From Metaphors to Idioms. Oxford : Oxford University Press, 2001.
17. *McElree B.* The locus of lexical preference effects in sentence comprehension: A time-course analysis // *Journal of Memory and Language*. 1993. Vol. 32. P. 536–571.
18. *Glucksberg S.* Understanding figurative language: From metaphors to idioms. New York, NY : Oxford University Press, 2001.
19. *Osgood Ch.E.* The nature and measurement of meaning // *Psychol. Bull.* 1952. Vol. 49. P. 197–237.
20. *Артемьева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики / под ред. И.Б. Ханиной. М. : Наука ; Смысл, 1999. 350 с.
21. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. М. ; СПб. : Питер, 2005. 480 с.
22. *Шмелев А.Г.* Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 158 с.
23. *Landauer T.K., Foltz P.W., Laham D.* Introduction to Latent Semantic Analysis // *Discourse Processes*. 1998. Vol. 25. P. 259–284.
24. *Kintsch W.* Metaphor comprehension: A computational theory // *Psychonomic Bulletin and Review*. 2000. Vol. 7. P. 257–266.
25. *Kintsch W., Gomez E.A.* Computational Theory of Complex Problem Solving Using the Vector Space Model (part II): Latent Semantic Analysis Applied to Empirical Results from Adaptation Experiments // *Cognitive research with Microworlds*. 2001. P. 117–131.
26. *Любарт Т., Муширу К., Торджман С., Зенасни Ф.* Психология креативности. М. : Когито-Центр, 2009. 215 с.
27. *Carston R.* Metaphor: ad hoc concepts, literal meaning and mental images // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 2010. Vol. 110, No. 3. P. 295–321.
28. *Winner E., Gartner H.* The Development of Metaphoric Operations. Final Report [microform]: Distributed by ERIC Clearinghouse, 1981.
29. *Gardner H., Winner E. et al.* The development of figurative language // *Children's Language* / ed. by K. Nelson. N.Y. : Gardner Press, 1978.
30. *Coulson S., Van Petten C.* Conceptual Integration and Metaphor: An event-related potential study // *Memory & Cognition*. 2002. Vol. 30. P. 958–968.
31. *Coulson S., Matlock T.* Metaphor and the space structuring model // *Metaphor & Symbol*. 2001. Vol. 16, No. 3. P. 295–316.
32. *Fauconnier G., Turner M.* Rethinking Metaphor // *Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 53–66.
33. *Веккер Л.М.* Психика и реальность. М., 1998. 685 с.
34. *Аванесян М.О.* Изучение образного компонента метафоры методом пиктограмм // *Психологические процессы самореализации личности*. СПб., 2010. С. 236–247.
35. *Tanenhaus M.K., Spivey-Knowlton M.J.* Eye-tracking // *Language and Cognitive Processes: A guide to spoken word recognition paradigms*. 1996. Vol. 11. P. 583–588.
36. *Giora R.* Interview // *Humana. Mente Journal of Philosophical Studies*. 2012. Vol. 23. P. 189–196.
37. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: Парадоксы исследования. СПб., 2002. 272 с.

Статья представлена научной редакцией 18 декабря 2014 г.

АВАНЕСЯН Марина Олеговна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей психологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).
E-mail: m.avanesyan@spbu.ru

Siberian journal of psychology, 2015, 55, 46–60. DOI 10.17223/17267080/55/2

Marina O. Avanesian

Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation).
E-mail: m.avanesyan@spbu.ru

Understanding of figurative language (on the example of metaphor)

The article is about understanding of figurative language through the example of metaphors. In the first part of the article provides an overview of experimental research of understanding of "literal" and "figurative" meaning. It is shown that "good metaphor" is processed as quickly as text that has a literal meaning. In addition, a person cannot ignore the metaphorical meaning of a statement, even if it has a literal meaning, which is ideally suited to the context. The study of brain activity by evoked potentials (ERP) showed that the time of processing of the same word in a metaphorical and nonmetaphorical context did not change. The only difference was in the value of the negative potential of the brain N400, which is fixed, if the word is used in the unexpected context. The more complex the meaning integration of the word is in the current context, the higher the observed amplitude of the potential N400. These data agree with the study of ontogeny of metaphor understanding: children recognize a statement as metaphorical before they are able to understand its meaning.

In the second part of the article the example of qualitative research of metaphor understanding is given. The stimuli were the pairs of metaphors with a repeated subsidiary concept ("A is B", "C is B"). Because of such organization of the stimuli, one and the same concept ("B") was used for transferring the different ideas. The study was conducted by the method of "Pictogram". 31 people aged 17 - 26 years (students of the Faculty of St. Petersburg State University of Psychology) took part in the research. The presupposition of the study was that the graphic representation of metaphors meaning provides the reconstruction of the events taking place in the mental space of the subject. The pertaining of concepts of the metaphor to distant domains has become a kind of the semantic marker, which helped to trace how the elements of two different domains are blended. It has been shown that one and the same subsidiary concept changed its current mental representation when entering different semantic contexts.

The author concludes that in the present studies of the understanding it is necessary to shift the research focus from the distinction of the literal and figurative meaning to the question of how meaning is constructed in the "actual situation of thinking" (English analogue is "on-line thinking"). The concept of "mental representation" is the theoretical construct that links the "objectively" existing meanings of words with the mental experience of a person and situational context.

Keywords: literal meaning; figurative meaning; contradiction; construction of meaning; metaphor.

References

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaforý, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English by A.N. Baranov, A.V. Morozova. Moscow: LKI Publ., 2008. 256 p.
2. Arutyunova N.D. *Metafora i diskurs* [The metaphor and discourse]. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Teoriya metaforý* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 5-32.
3. McCormack E. *Kognitivnaya teoriya metaforý* [The cognitive theory of the metaphor]. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Teoriya metaforý* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 358-386.
4. Ripinskaya L.V. *Sintaksicheskij okkazionalizm kak lingvisticheskaya osnova metaforý* [Syntactic nonce formations as a linguistic basis for the metaphor]. In: Arnold I.V. (ed.) *Yazyk i stil' angliyskogo khudozhestvennogo teksta* [The language and style of the English literary text]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute Publ., 1977, pp. 96-102.
5. Grice H. P. Logic and Conversation. *Speech Acts. Syntax and Semantics*, 1975, vol. 3, pp. 41-58.
6. Searle J. *Metafora* [The Metaphor]. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Teoriya metaforý* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 307-341.
7. Giora R. On the priority of salient meanings: Studies of literal and figurative language. *Journal of Pragmatics*, 1999, vol. 31, pp. 919-929. DOI: 10.1016/S0378-2166(98)00100-3
8. Giora R. *On our Mind: Salience, Context, and Figurative language*. New York: Oxford University Press, 2003. 272 p.
9. Clark H. H., Lusch P. Understanding What is Meant from What is Said: A Study in Conversationally Conveyed Requests. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 1975, vol. 14, pp. 56-72. DOI: 10.1016/S0022-5371(75)80006-5
10. Janus R., Bever T. Processing of Metaphoric Language: An Investigation of the Three Stages of Metaphor Comprehension. *Journal of Psycholinguistic Research*, 1985, vol. 14, no. 5, pp. 473-487. DOI: 10.1007/BF01666722
11. Alekseev K.I. *Metafora kak ob'ekt issledovaniya v filosofii i psikhologii* [Metaphor as an object of study in philosophy and psychology]. *Voprosy psikhologii*, 1996, no. 2, pp. 73-85.
12. Inhoff A., Lima S., Carroll P. Contextual Effects on Metaphor Comprehension in Reading. *Memory and Cognition*, 1984, vol. 12, no. 16, pp. 550-567. DOI: 10.3758/BF03213344
13. Ortony A. *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 678 p.
14. Blasko D., Connine C. Effects of familiarity and aptness on metaphor processing. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 1993, vol. 19, pp. 295-308. DOI: 10.1037//0278-7393.19.2.295
15. Glucksberg S., Gildea P., Bookin H. On understanding nonliteral speech: can people ignore metaphors? *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 1998, vol. 21, pp. 85-98. DOI: 10.1016/S0022-5371(82)90467-4
16. Glucksberg S. *Understanding Figurative Language: From Metaphors to Idioms*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 144 p.
17. McElree B. The locus of lexical preference effects in sentence comprehension: A time-course analysis. *Journal of Memory and Language*, 1993, vol. 32, pp. 536-571. DOI: 10.1006/jmla.1993.1028
18. Glucksberg S. *Understanding Figurative Language: From Metaphors to Idioms*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 144 p.
19. Osgood Ch.E. The nature and measurement of meaning. *Psychological Bulletin*, 1952, vol. 49, pp. 197-237. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/h0055737>
20. Artem'eva E.Yu. *Osnovy psikhologii sub"ektivnoy semantiki* [Fundamentals of psychology of subjective semantics]. Moscow: Nauka, Smysl Publ., 1999. 350 p.
21. Petrenko V.F. *Osnovy psikhosemantiki* [The fundamentals of psychosemantics]. Moscow, St. Petersburg: Piter Publ., 2005. 480 p.

22. Shmelev A.G. *Vvedenie v eksperimental'nyuyu psikhosemantiku: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya i psikhodiagnosticheskie vozmozhnosti* [Introduction to experimental psychosemantics: theoretical and methodological foundations and possibilities for psychodiagnostic]. Moscow: Moscow State University Publ., 1983. 158 p.
23. Landauer T. K., Foltz P. W., Laham D. Introduction to Latent Semantic Analysis. *Discourse Processes*, 1998, vol. 25, pp. 259-284. DOI: 10.1080/01638539809545028
24. Kintsch W. Metaphor comprehension: A computational theory. *Psychonomic Bulletin and Review*, 2000, vol. 7, pp. 257-266. DOI: 10.3758/BF03212981
25. Kintsch W., Gomez E.A., Quesada J. *Computational Theory of Complex Problem Solving Using the Vector Space Model (part II): Latent Semantic Analysis Applied to Empirical Results from Adaptation Experiments*. In: Casas (ed.) *Cognitive research with Microworlds*, 43-84, 2001, pp. 117-131
26. Liubard T., Mushir K., Tordzhman S., Zenasni F. *Psikhologiya kreativnosti* [Psychology of creativity]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2009. 215 p.
27. Carston R. Metaphor: ad hoc concepts, literal meaning and mental images. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 2010, vol. 110, no. 3, pp. 295-321. DOI: 10.1111/j.1467-9264.2010.00288.x
28. Winner E., Gartner H. *The Development of Metaphoric Operations. Final Report* [microform]. Distributed by ERIC Clearinghouse. 1981.
29. Gardner H., Winner E. et al. *The development of figurative language*. In: Nelson K. (ed.) *Children's Language*. New York: Gardner Press, 1978.
30. Coulson S., Van Petten C. Conceptual Integration and Metaphor: An event-related potential study. *Memory & Cognition*, 2002, vol. 30, pp. 958-968. DOI: 10.3758/BF03195780
31. Coulson S., Matlock T. Metaphor and the space structuring model. *Metaphor & Symbol*. 2001. Vol. 16. No. 3. RP. 295-316. DOI: 10.1080/10926488.2001.9678899
32. Fauconnier G., Turner M. *Rethinking Metaphor*. In: Gibbs R.W. (ed.) *Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, pp. 53-66.
33. Vekker L.M. *Psikhika i real'nost'* [Mind and Reality]. Moscow: Smysl Publ., 1998. 685 p.
34. Avanesyan M.O. *Izuchenie obraznogo komponenta metaforoy metodom piktogramm* [Studying the figurative component of the metaphor by pictograms]. In: *Psikhologicheskie protsessy samorealizatsii lichnosti* [Psychological processes of self-realization]. St. Petersburg, 2010, pp. 236-247.
35. Tanenhaus M.K., Spivey-Knowlton M.J. *Eye-tracking*. In Grosjean F., Frauenfelder U. (eds.) *Language and Cognitive Processes: A guide to spoken word recognition paradigms*. Psychology Press, 1996, vol. 11, pp. 583-588.
36. Giora R. Interview. *Humana. Mente Journal of Philosophical Studies*, 2012, vol. 23, pp. 189-196.
37. Kholodnaya M.A. *Psikhologiya intellekta: Paradoksy issledovaniya* [Psychology of Intelligence: Paradoxes of the study]. St. Petersburg: Bars Publ., 2002. 272 p.

Received: 18 December 2014